

М.В. Пименова

Кемеровский государственный университет

**Концептуализация и объективации совести
в языковых картинах мира**

Концептам внутреннего мира свойственно представление в языке через признаки мира внешнего. Человек, чтобы описать невидимое, метафизическое, не изобретает новые знаки, а пользуется уже существующими. Описывая явления внутреннего мира, носитель языка соотносит их с тем, что другим носителям и ему самому уже известно. Так возникает уподобление души стихиям, веществу, растениям, живым существам, предметам (*огонь души; душа кипит; душа цветет; душа летит / парит; тянуть за душу*). Существующие знания о мире принадлежат фонду общей для всех носителей языка информации. Таким образом, концепты внутреннего мира соотносятся с концептами мира физического на основе уподобления (сравнения / аналогии) первых вторым. Характеристика, на которой основывается такое уподобление (сравнение / аналогия), позволяет утверждать сходство между известным и неизвестным. Такое сходство квалифицируется как признак концепта. *Признак концепта* – это общее основание, по которому сравниваются некоторые несхожие явления. Реконструкция структуры концепта осуществляется путем наиболее полного выявления возможных признаков, которые могут быть объединены по общей для них видовой или родовой ассоциативной характеристике. Специфика таких признаков заключается в способности человека переносить свойства внеязыковой действительности на мир идеальный, метафизический. Исследование этих признаков и сопоставление фрагментов картин мира в разных языках – одна из основных целей концептуальных исследований. Удивительной закономерностью, характеризующей язык, является способность языка хранить и передавать то, что веками закреплялось в виде устойчивых выражений на основе соответствующих когнитивных моделей. Признаки концептов, представляющие национальную картину мира, консервативны. И в то же время картина мира народов меняется, структура признаков концептов расширяется за счет продолжающегося познания мира. Развитие науки, культурные процессы дополняют сведения о мире, в том числе о мире внутреннем. Анализ концептов приводит к выявлению архаичных знаний о мире. Эти знания не относятся к разряду научных, это народные, обыденные представления. На эти обыденные представления накладываются отпечаток и меняющиеся религиозные и научные воззрения социума. Таким образом, *языковая картина мира* – это сложившаяся давно и сохранившаяся донныне национальная картина мира, дополненная ассимилированными знаниями, отражающая мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в языковых формах, ограниченная рамками консервативной национальной культуры этого народа.

Концепты – это единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключается информация о мире. Эта информация относится к актуальному или виртуальному состоянию мира. Что индивид знает, думает, представляет об объектах внешнего и внутреннего миров, и есть то, что называется концептом. Концепт – это представление о фрагменте мира. Такое представление (образ, идея, символ) формируется общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения. Концепт – это национальный образ, идея, символ, осложненный индивидуальными признаками. Для русского языка национальным образом будет, например, *Русь (Россия)*, примером идеи будут *социализм* и *коммунизм*, символом – *лебедь* (ср. эту символику в русских сказках). У каждого носителя языка есть свои индивидуальные представления, касающиеся указанных примеров. Исследование концептов, свойственных тому или иному языку, позволяет выявить его инвариантные, а также прототипические признаки, отраженные в типичных и частотных употреблениях инвариантов тех или иных концептов.

Выявление структуры концепта возможно через наблюдения за сочетаемостью соответствующих языковых знаков. Концепт рассеян в языковых знаках, его объективирующих. Чтобы восстановить структуру концепта, необходимо исследовать весь языковой корпус, в котором репрезентирован концепт – (лексические единицы, фразеологию, паремиологический фонд), включая систему устойчивых сравнений, запечатлевших образы-эталон, свойственные определенному языку. Существенную помощь окажут также и авторские контексты, т.к. писатели и поэты используют языковой фонд, варьируя формы для выражения того или иного признака концепта, при этом, однако, они редко создают новые признаки. Так, например, признак ‘болезнь’ у концепта *душа* в русском языке выражается в таких сочетаниях, как *болезнь души, душа больна, болезненная душа, боль души, душевная боль* и под. Ср. как этот признак выражен в авторских контекстах (*Светись, светись, далекая звезда, // Чтоб я в ночи встречал тебя всегда; // Твой слабый луч, сражаясь с темной, // Несет мечты душе моей больной...* Лермонтов. *Звезда; День – сей блистательный покров – // День, земнородных оживление, // Души болящей исцеление, // Друг человек и богов!* Тютчев. *День и ночь; [Бессеменов:] Я от души... от страха за них... от боли душевной кричу... а не от злости.* Горький. *Мещане*). Рассмотрение концепта через его структуру, известную всем представителям данного языкового общества, позволяет сделать вывод, что у концепта должна наблюдаться национально-культурная специфика.

В данной статье анализируются концепты *совесть, conscience* и *Gewissen* в трех языковых картинах мира: русской, английской и немецкой (соответственно) с позиций их витальных и зооморфных признаков [см. также: Пименова, 1999а; 1999б].

Совесть – живое существо

Среди физиологических признаков концепта *совесть* выделяется признак ‘здоровье’ (*Ах! Чувствую: ничто не может нас // Среди мирских печалей успокоить; // Ничто, ничто, едина разве совесть. // Так, здравая, она восторжествует // Над злобою, над темной клеветою...* Пушкин. Борис Годунов). Большинство физиологических признаков совмещают в себе оценочные признаки концепта *совесть*. При помощи этого признака у концепта *совесть* реализуется когнитивная модель ‘здоровье → способность функционировать согласно норме’.

Оппозитивным признаком ‘здоровье’ у концепта *совесть* выступает признак

‘болезнь’ (*больная совесть у кого*). Данный признак используется для передачи значения «воспринимать близко к сердцу» (*В этом произведении Леонова наиболее глубоко и сильно сказалось влияние «больной совести» Достоевского, его философии отчаяния и душевного тупика*. З. Богуславская; ср.: *болеть сердцем за что / за кого*). Некоторые функции *совести* и *сердца* в русской языковой картине мира пересекаются.

У концепта *conscience* в английском языке признаки болевых ощущений имплицитно указаны в таком выражении, как *pangs of conscience* «угрызения совести» (букв. «муки»). Вариантом признака ‘болезнь’ у концепта *conscience* выступает признак ‘приступ резкой боли’ (*the twinges of conscience* «угрызения совести», где *twinge* «приступ резкой боли»).

Признаки ‘болезни’ у концепта *совесть* дополняются признаками ‘раны’ (*ранить совесть чью; Я лил потоки слез неожиданных, // И ранам совести мой // Твоих речей благоуханных // Отраден чистый был елей*. Пушкин. В часы забав иль праздной скуки...). ‘Раствление’, как социальный признак, может пониматься как рана *совести*; раны *совести* можно исцелить раскаянием (*С душою коленапреклоненной, // С главой, лежащею в пыли, // Молись молитвою смиренной // И раны совести растленной // Елеем плача исцели!* Хомяков. России).

Для концепта *совесть* в русском языке не характерны многие физиологические свойства: *совесть* не бывает бодрой/крепкой/сильной/слабой, ее нельзя закалить, *совесть* не устает и не отдыхает, что отражается в запретах на сочетаемость (ср.: *живая *совесть*; **совесть* крепкая/бодрая/сильная/слабая).

Для концептов *совесть* и *Gewissen* свойственен признак ‘движение’ (ср.: в ком *зашевелилась совесть*; *Dabei regte sich sein Gewissen* «при этом в нем заговорила совесть», букв. «при этом в нем зашевелилась совесть») и ‘отсутствие движения’ (*das Gewissen steht* «совесть стоит»; ...*Wo Karl Krueger stand, steht sein Gewissen* «...Где стоял Карл Крюгер, стоит его совесть»). Этим признаком, дополненным признаком ‘пробуждение ото сна’, описывается ситуация воспоминания о прошлом, забытом и оплаканном (*Как будто с трепетом здесь каждого листа // Моя пробудится и затрепещет совесть, // И станут лепетать знакомые места // Давно забытую, оплаканную повесть*. Фет. В саду). Признак ‘движение’ концепта *совесть* имеет вариант ‘движение рукой’: *У нас не дрогнула бы совесть тряхнуть твой оборотный капитал, Ефим, но пускай мы останемся вечными друзьями...* Леонов. Вор (ср.: *рука не дрогнет сделать что-л.*). В немецкой картине мира *совесть* движет человеком (*Er hat sich weggestohlen wie ein Dieb, getrieben von seinem Gewissen...*, букв. «Он незаметно [украдкой] ушел как вор, приводимый в движение своей совестью»).

Признак ‘сон’ отмечен у концептов *совесть*, *Gewissen* и *conscience* в сравниваемых языках (*Совесть спит у кого; дремлющая совесть; a quiet conscience sleeps in thunder* «спокойную совесть не потревожит даже гром», где *a conscience sleeps*, букв. «совесть спит»; *das/ js. Gewissen einschläfern*. «усыпить (чью-либо) совесть»; *das Gewissen schläft* «совесть спит»; *das Gewissen erwacht* «совесть просыпается»; *das Gewissen erwacht in aller Welt* «совесть просыпается во всем мире»). В русском языке этот признак выражается разнообразными языковыми средствами (*усыпить чью совесть; Своими чудными очами // Тебя старик заворожил, // Своими тихими речами // В тебе он совесть усыпил*. Пушкин. Полтава; *Шум. Крик. // В их сердце дремлет совесть. // Она проснется в черный день*. Пушкин. Братья-разбойники. Черновые наброски к поэме).

Признак ‘пробуждение ото сна’ включен в структуры концептов *совесть*, *Gewissen* и *conscience* (*пробудившаяся совесть; проснувшаяся совесть; совесть пробуждается в ком высок.; совесть проснулась у кого; His conscience woke* «в нем проснулась совесть»; *Js. Gewissen wachrütteln* «разбудить совесть»; *Wenn er*

*sich einzureden sucht, er habe seiner Mutter mit seinem Verhalten kein Unrecht getan, dann muß man sein **Gewissen mal wachrütteln***, букв. «Когда он старается убедить себя, что он своим поведением сильно обидел свою мать, нужно разбудить его совесть»). Примечательно, какие предикаты используются для реализации этого признака у концепта *совесть*: в русском языке *совесть усыпляют*, в английском – ‘убаюкивают’ (*lull the conscience*; ср. русское *люлька*).

Нечистой совести приписывается свойство активности и бдительности (*Как сонный, как пьяный // Врасплох, не готовясь. // Височные ямы: // Бессонная совесть*. Цветаева. Как сонный, как пьяный...).

Физиологический признак ‘пробуждение ото сна’ может сопровождаться признаком ‘голос’. *Совесть* не оставляет человека ни днем, ни ночью, *голос совести* связан с угрозами (*Грозный голос проснувшейся совести // мне грозит и в ночи, и средь дня*. Добролюбов. Измученный, усталый и больной...). *Совесть* выступает как некое существо, отождествляемое со стражем закона, порядка, морали (*бессонная совесть*).

Концептам *совесть*, *Gewissen* и *conscience* приписывается признак ‘голос’ (*the voice of conscience – голос совести; Die Stimme des Gewissens* «голос совести»); *совесть* голос использует не для похвалы – в таких ситуациях *совесть* спокойна, она молчит (ср. англ. *for conscience sake* «для успокоения совести»), а для упреков (*упреки совести*). Когда человек приближается к запретной черте, *совесть* уже тогда подает свой голос (*Совесть заговорила в ком; А вместе с тем на этом самом месте воспоминаний чувство стыда усиливалось, как будто какой-то внутренний голос именно тут, когда она вспомнила о Вронском, говорил ей: «Тепло, тепло, горячо»*. Л. Толстой. Анна Каренина).

В английском дефиниция лексемы *conscience* предопределяет особые концептуальные признаки такого голоса (*the still small voice of conscience* «голос совести»), букв. «тихий голосок [шепоток] совести»). В русском языке вариантом признака ‘голос’ у концепта *совесть* выступает признак ‘шепот’ (*Совесть шепчет; Там спишь, а душу все подталкивает совесть // И над ухом ее нашептывает повесть // Минувших дней твоих...* Бенедиктов. Бивак).

Положительно оцениваемые признаки *совести* сравниваются с проявлением закона Божьего в человеке (*Добрая совесть – глас Божий*). *Совесть* понимается как друг человека, если соблюдается такой закон, или как его судья, если законы Божьи нарушаются (*О, совесть! Добрых душ последняя подруга! // Где уголок земного круга, куда бы не проник твой глас? // Неумолимая! Везде найдешь ты нас*. Дмитриев).

Заглушить голос *совести* в русской языковой картине мира невозможно ничем (*заглушить (свою) совесть; заглушить голос совести*), в немецкой эта возможность существует (*Sein Gewissen zum Schweigen bringen* «заставить совесть замолчать»). Человек вынужден исправлять содеянное ([*Марья Дмитриевна:*] *Но я не хотела, не могла заглушить совесть – и сама открыла все твоему отцу*. Лермонтов. Станный человек). То, что говорит *совесть*, понятно каждому; при этом *совесть* не отождествляется с человеком, а осознается как нечто чужое, не свое (*Часов однообразный бой, // Томительная ночи повесть! // Язык для всех равно чужой // И внятный каждому, как совесть!* Тютчев. Бессонница).

В русском и немецком языках предикаты голоса *совести* варьируются по степени интенсивности проявления (*Как страстная совесть в бессонный час // Мне жизнь молодую точит! // Как душит подушкой, как бьет в набат, // Как шепчет все то же слово...* Цветаева. Март. 1919; *Совесть роптала громче ее разума*. Пушкин. Барышня-крестьянка; *Правда, он клялся и божился, что не проплет этих денег сегодня, а сам намеревался сделать это немедленно. Но что за дело? Предстоящее удовольствие заглушало укору совести*. Короленко. Сон Макара; *das Gewissen sagt* «совесть говорит»; *...kein Gewissen spricht ihn zu* «...

совесть ему не говорит»; *das Gewissen ruft* «совесть кричит»; *das Gewissen fluestert* «совесть шепчет»). В немецком тональность голоса совести повышается до крика (*der Ruf des Gewissens* «крик совести»; *dem Ruf des Gewissen folgen* «следовать крику совести»). Голос *совести* связан с укорами человека за его проступки; причем доводы разума во внимание совестью не принимаются. Важно услышать голос совести, следовать ему и не пытаться заставить его замолчать (*die Stimme des Gewissens hören* «слышать голос совести»; *dem Ruf des Gewissens folgen* «следовать зову совести»; *sein Gewissen zum Schweigen bringen* «заставить замолчать свою совесть»).

В немецком языке *совесть* (*Gewissen*) определяется именно как «внутренний голос, способный судить хорошо или плохо» (Mackensen, 1977, II, S. 881). В английском языке *совесть* концептуализируется по аналогии с законом (*follow the dictates of one's conscience*, букв. «следовать приказам своей совести»).

Для концепта *совесть* в русском свойственен признак 'питание'; при использовании этого признака реализуется значение «нравственные муки человека с нечистой совестью» (*совесть поедом ест/ заела кого*; ср. также: *В те дни, как все везде в разгулье: // Политика и правосудье, // Ум, совесть, и закон святой, // И логика пиры пируют...* Державин. На счастье).

В русской и немецкой языковых картинах мира *совесть* – живое существо, обладающее слухом (*Совесть с молоточком: и постукивает, и наслушивается; an js. Gewissen appellieren* «Обращаться к чьей-либо совести»; *Meine Damen und Herren, ich appellieren an Ihr Gewissen* «Дамы и господа, я обращаюсь к вашей совести»; *mit dem Gewissen ausmachen* «договариваться с совестью»). *Совесть* человека бессовестного определяется признаками 'отсутствия слуха' (*Глухая совесть у кого*). В ситуациях неправильного поведения обращаются не к человеку, а к его совести (*к чьей совести взывать* высок.).

Окказиональным признаком концепта *совесть* выступает 'возраст' (*Это я – / твоя старая совесть – / Разыскала сожженную повесть / И на край подоконника / В доме покойника / Положила – и на цыпочках ушла*. Ахматова. Поэма без героя).

В русском языке для концептуализации нравственного очищения используются когнитивные модели, свойственные для физического очищения (ср.: *смыть с себя пятно позора, отмыться от грехов, духовно очиститься*). Метафоры нравственного очищения характерны для русской языковой картины внутреннего мира человека: для *очистки* и *успокоения совести* требуется глубокое раскаяние в совершенном или задуманном (ср.: *С беспокойною совестью и с безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска...* Пушкин. Капитанская дочка).

В английском языке для подобных ситуаций используются иные модели описания, а именно, метафоры лечения: для *совести* конвенциональным признаком выступает 'исцеление' (*to salve one's conscience*, где *salve* «исцелять»); *муки совести* в этом языке передаются как *the twinges of conscience*, где *twinge* «приступ резкой боли». Кроме того, в английской языковой картине не *совесть*, а *раскаяние* мучит человека (*compunction twinged him* «раскаяние мучило его»).

Иными словами, в русской наивной языковой картине внутреннего мира для прототипической модели исправления нравственного состояния запятнавшего свою *совесть* человека свойственно сакральное действие (очищение), для английской прототипической модели характерно телесное (врачующее) действие.

В немецком языке для совести свойственно деятельное поведение: *Das Gewissen qualt, plaqt, schlägt, zwingt* («совесть мучает, терзает, бьет, принуждает»; *Jm. schlaegt das Gewissen* «совесть кого-то бьет»; *Ja. Es schlug ihm wohl, sein Gewissen* «Да. Она его бьет, его совесть»; *Einigen schlaegt unklar das Gewissen*, букв. «Некоторых совесть непонятно бьет»).

Таблица 1

Признаки живого существа концептов

Концепты	Совесьть	Conscience	Gewissen
Витальные признаки			
‘Витальность’	-	-	-
‘Здоровье’	+	-	-
‘Бодрость’	-	-	-
‘Болезнь’	+	+	-
‘Раны’	+	-	-
‘Усталость’	-	-	-
‘Закаливание’	-	-	-
‘Крепость’	-	-	-
‘Движение’	+	-	+
‘Сила’	-	-	-
‘Слабость’	-	-	-
‘Сон/ пробуждение ото сна’	+	+	+
‘Голос’	+	+	+
‘Питание’	+	-	-
‘Слух’	+	-	+
‘Возраст’	+	-	-
‘Действие’	-	-	+

Совесьть-животное

В сравниваемых языках в структуру концептов *совесьть* и *conscience* включены анималистские характеристики. В русской языковой картине мира *совесьть* отождествляется по прямым или косвенным признакам со змеей (*Но где же гетман? // Где злодей? Куда бежал от угрызений // Змеиной совести своей?* Пушкин. Полтава). Иногда у концепта *совесьть* признаки ‘змеи’ дополняются признаками ‘локализации’; *совесьть* в русской языковой картине мира располагается в сердце человека (*В бездействии ночном живей горят во мне // Змеи сердечной угрызенья...* Пушкин. Воспоминание). У человека, которого называют «себе на уме», *змеиная совесьть*.

Сопутствующим анималистским признаком концепта *совесьть* является признак ‘наличие зубов’. Для выражения этого признака используются разнообразные языковые способы (*совесьть гложет; совесьть загрызла; совесьть заела; совесьть кусает; совесьть снедает; угрызения совести; Узнали, что обратно // Ко граду едет Дук. Народ его встречать // Толпами кинулся. И Анджелоно смущенный, грызломый совесьтью, // Предчувствием стесненный, туда же поспешил.* Пушкин. Анджело). Удовлетворение некоторых желаний имеет своим последствием угрызения *совести* (*Иль скажет сын, что сердце у меня // Обросло мохом, // Что я не знал желаний, // Что меня и совесьть никогда не грызла...* Пушкин. Скупой рыцарь). Угрызения *совести* ассоциативно связаны с

муками (*Испытывать мучительные угрызения совести*). В русской пословице встречается прямое указание на отсутствие зубов у *совести* (*Совесть без зубов, а загрызает*); этот же признак отмечен и в русской загадке: *Беззуба, а с костями сложжет/ съест (совесть)*.

Дополнительным признаком 'змеи' выступает признак 'жало' у концепта *совесть*. У *совести* есть жало (*Совесть жалит; Бесплодные сожаления о минувшем, жгучие упреки совести язвили его, как иглы, и он всеми силами старался свергнуть с себя бремя этих упреков, найти виноватого вне себя и на него обратить жало их*. Гончаров. Обломов). Сама *совесть* при этом может быть названа черной змеей (*Пройдя минушую и не нашедши в ней, // Чтoб черная змия мне сердце угрызала, // O! коль доволен я, оставил что людей // И честолюбия избег от жала!* Державин. Евгению. Жизнь званская).

Совесть может отождествляться с мифическим зверем – грызуном (*Иль скажет сын... // Что я не знал желаний, что меня // И совесть никогда не грызла, совесть, // Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть, // Незванный гость, докучный собеседник, // Заимодавец грубый, эта ведьма, // От коей меркнет месяц и могилы // Смущаются и мертвых высылают?..* Пушкин. Скупой рыцарь).

Косвенными признаками 'зверя' у концепта *совесть* выступают признаки 'одичалость/ дикость' и 'хищник' (*Такие пробуждения одичалой совести бывают необыкновенно мучительны. Лишенная воспитательного ухода, не видя никакого просвета впереди, совесть не дает примирения, не указывает на возможность новой жизни, а только бесконечно и бесплодно терзает*. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы). *Совесть*, как хищник, наносит раны человеку, который от них мучается (*Совесть мучит кого; И сильно скорбя о содеянном преступлении и жестоко мучась угрызением совести, решился я в присутствии вашего благородия чистосердечно объяснить о содеянном мною преступлении, что вы уже и слышали от меня*. Мельников-Печерский. Бабушкины рассказы). *Совесть* понимается как мучитель, который выпивает все жизненные соки из человека (*совесть все соки выпила из кого прост.*). *Совесть*, как хищник, терзает свою жертву (*Совесть терзает кого книжн.*).

К дополнительным признакам 'зверя' у концепта *совесть* относится признак 'когти' (*совесть впиается когтями в душу/ сердце; совесть сердце царапает; совесть скребет сердце; Совесть в рукавицах у них ходит*. Астафьев. Последний поклон).

В английской картине мира *совесть* не грызет, она поражает или ранит (*to be conscience-stricken*, букв. «быть совестью пораженным, раненым», где глагол *to strike* имеет одно из значений «вонзать (ядовитые зубы – о змее)»). Есть прямые указания на «внешний» облик *совести* (*the worm of conscience* «угрызения совести», где *worm* «червь»).

В сравниваемых языках *совесть* концептуализируется через признаки червя (– *Разве вы недовольны своей судьбой? – Я? – спросила она, как будто пораженная удивлением, что можно об этом спрашивать. – Я должна быть довольна – и довольна. Но есть червяк, который просыпается... – И ему не надо давать засыпать, надо верить этому голосу, – сказал Нехлюдов, совершенно подавшись ее обману*. Л. Толстой. Воскресение; *der nagende Wurm des Gewissens* «мучают угрызения совести», букв. «червь совести мучает»). Так, *совесть* может точить (*совесть точит кого; ср.: червь яблоко точит*). Располагается *совесть* глубоко в человеке (*глубокая совесть*). Точит *совесть* самого человека (– *Станет меня совесть точить из-за такого барахла, как этот дед*. Шолохов. Тихий Дон) или жизнь человека (*Как страстная совесть в бессонный час // Мне жизнь молодую точит!* Цветаева. О нет, не узнает никто из вас...; ср.: *точить зуб на кого-л.*).

Для сравнения представляется «внешний» вид *совести* через ее описание в немецком языке – *Gewissenswurm* (где *Gewissen* – совесть, *Wurm* – червяк), причем в наказании акцент ставится, как и в русском, на действия при помощи зубов (*Gewissensbiß* «раскаяние, сознание совести», где *Biß* «укус»).

Как заметила Н.Д. Арутюнова, «могло бы оказаться, что жизнь совести полностью воспроизводит жизнь маленького грызуна. Тогда сочетаемость слова совесть повторяла бы сочетаемость имени любого зверька из соответствующего отряда. На самом деле это не так. «Когтистый зверь» передает далеко не все предикаты «совести», и в то же время является не единственным образом, объясняющим лексические валентности этого слова» [Арутюнова, 1976, с. 95-96].

Хотелось бы отметить тот факт, что некоторая часть закрепленных в русском языке сочетаний последовательно концептуализирует *совесть* через образ мифологического зверя, совместившего в себе признаки змеи (обладающей жалом как орудием возмездия), червя (способного точить изнутри человека) и грызуна (посредством которого актуализируются признаки особых действий при помощи зубов и когтей, на это указывает состав предикатов; ср. глаголы, сочетающиеся с лексемой *совесть*: (за)мучить, грызть, кусать, вонзать зубы; царапать, впиваться когтями в душу, скрести; Совесть его заела/ иссушила; угрызения совести; ср. *gnawings of conscience* «угрызения совести», где *gnawing* «грызение, глодание»; *He is consumed by remorse* «он снедаем угрызениями совести», где *to consume* «поедать»; *Er spürt / hat Gewissensbisse* «он испытывает угрызения совести» букв: он чувствует/ имеет угрызения совести). Неосвоенное внутреннее пространство в обыденном сознании (что отражено в фольклорных текстах) всегда понимается как чуждое, заполненное хтоническими существами.

Концептуализация *совести* посредством анималистских признаков отмечает ее чуждую природу и соответствующее навязываемое поведение, которое квалифицируется как поведение мучителя (*Она в мыслях повторяла все обстоятельства утреннего свидания... и совесть начинала ее мучить*. Пушкин. Барышня-крестьянка).

Образная структура концепта *совесть* налагается на весь ассоциативный ряд, с нею связанный (*Тогда раскаянья кинжал // Пронзит тебя...* Лермонтов; где *раскаяние* – следствие угрызения *совести*, действия которого формируются через понятие 'остроты' связанного с ним ощущения и понятия 'боли, муки').

В русском языке совершенно разные понятия (на первый взгляд) отражают некоторые сходства и закономерности. Так, модели действий концепта *сомнение* описываются по аналогии с моделями, свойственными концепту *совесть* (*Его постоянно гложет/ точит червь сомнения*). Такое сходство на самом деле возникло не случайно: в древнерусском и старославянском языках лексема *сумьньние* употреблялось также в значении «совесть» (Срезневский III, с. 619), отсюда – перенос образного ряда данной лексики и сочетаемостных свойств с соответствующими предикатами на лексему *совесть*.

Таблица 2

Анималистские признаки концептов

Концепты Анималистские признаки	Совесть	Conscience	Gewissen
'Змея':	+	-	-
'Жало'	+	-	-
'Зубы'	+	-	+
'Зверь':	+	-	-
'Зубы'	+	-	-
'Дикость'	+	-	-
'Хищник'	+	-	-

'Когти'	+	-	-
'Червь':	+	+	+
'Зубы'	+	+	+

Совесть – насекомое

Некоторые из концептов определяются при помощи энтомологических характеристик. Так, «внешний» вид *совести* в английском языке может быть представлен через дополнительные признаки. *Совести* в английских и немецких представлениях часто приписываются черты насекомого, которые проявляются через ее предикаты (ср.: *the stings of remorse* «угрызения совести», букв. «укусы раскаяния»; *Ich hatte nicht einmal Gewissensbisse* «меня не раз мучили угрызения совести», букв. «я имел не раз укусы совести»; *Gewissensbisse* «угрызения совести», букв. «укусы совести»; *His conscience stings him* «он терзается угрызениями совести», букв. «его совесть жалит его», где *sting* – укус насекомого; *pricks of conscience*, где *pricks* «уколы»). Голос *совести* воспринимается в английской языковой картине мира похожим на звук, издаваемый насекомым (ср.: *His conscience begins to tingle* «он начинает испытывать угрызения совести», где *to tingle* «ощущать звон, шум в ушах»).

Мифологические воззрения народов основывались на вредности некоторых насекомых. Насекомым приписывалось качество нечистых существ; мифологемы насекомых актуализировали тему малого, ничтожного, вредящего большому [см., напр.: Топоров, 1988, с. 188].

В русской языковой картине мира *совесть* может выступать в облике муравья или комара ([*После лжесвидетельства*] *согласился и к исправнику ходил, и исправник кучу целую денег дал и наобещал такого... Тут бы Барыбе и радоваться. А вот нудило что-то, мешало. Какой-то вот комарик маленький, мураш, залез в нутро и елозит там, и елозит, и никак его не поймать, ни раздавить... Совсем распялил свои глаза и не мог больше спать. Елозил мураш надоедливый, томил. Замятин. Уездное).*

Таблица 3

Энтомологические признаки концептов

Концепты Энтомологические признаки	Совесть ь	Conscience	Gewissen
'Насекомое'	+	+	-
'Укус'	-	+	+
'Звук насекомого'	-	+	-
'Комар'	+	-	-
'Муравей'	+	-	-

Совесть – птица

Орнитологические признаки свойственны концептам *совесть* и *Gewissen* (Берегу я, как могу, и храню и почитаю, как родителей, // Птицу Жалость, птицу Верность, // Птицу горестную *Совесть*, птицу Честь. Дольский; *Sie verspürte den Anflug eines schlechten Gewissens*, букв. «Она почувствовала прилет плохой совести»). *Совесть может описываться образами разных птиц: голубя (...Где совесть, словно горлица, воркует // И бьется сердце в розовом огне. А. Головина), страуса (Смилуйся, государыня совесть, // Спрячься на грудь мне как страус. А. Вознесенский), лебедя (И совесть лебедя белей. Ивнев).*

Следует отметить, что для русской языковой картины мира орнитологические признаки не являются устойчивыми. Все примеры с

указанными признаками – авторские, а соответствующие признаки концепта *совесть* – окказиональные.

Для английского языка не характерно использование орнитологических признаков концепта *conscience*.

Таблица 4

Орнитологические признаки концептов

Концепты Орнитологические признаки	Совесть	Conscience	Gewissen
'Птица':	+	-	+
'Голубь'	+	-	-
'Лебедь'	+	-	-
'Страус'	+	-	-

Прототипическая модель 'энтомологизации' и 'орнитологизации' у концептов сферы внутреннего мира, прямо или косвенно представляющая их в образе насекомых или птиц, является своего рода вариантом мифологической модели, а метафоры и фразеологические обороты отображают фрагменты архаических знаний, зафиксированные в языках в виде устойчивых языковых форм. Концепт *conscience* в английском представлен амбивалентно – через анималистские и энтомологические признаки, концепт *Gewissen* – через анималистские, энтомологические и орнитологические признаки.

Анимализм *совести* в русской языковой картине внутреннего мира, судя по характеристикам ее облика, – явление, возникшее в языке, возможно, под влиянием других культур. Как утверждается в этимологических словарях, лексема *совесть* в русском языке появляется с XI в. Общеславянское **съvestь* собственно значило «(по)знание, получаемое вместе с кем-л.» [Черных II, с. 184]. Ср. в болгарском языке *сумление* «совесть» при древнерусском и старославянском *сумьньние* «колебание», «трепет», «благоговение» [Срезневский III, с. 619].

Литература

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.

Пименова М.В. *Совесть* как составная часть внутреннего мира человека // Этногерменевтика: фрагменты языковой картины мира. Кемерово; Landau, 1999а. С. 62-69. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 3).

Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. Кемерово; Landau, 1999б. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 5).

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. I-III.

Топоров В.Н. Муха // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1988. Т. II. С. 188.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. М., 1993. Т. II.

Active study dictionary of English. London, 1983.

Mackensen L. Deutsches Wörterbuch in 3 Bänden. München, 1977.

Practical English Dictionary. London, 1986.

The BBI Combinatory Dictionary of English. Amsterdam; Philadelphia, 1986.